

ВОСПОМИНАНІЯ ТЕОВАЛЬДА ¹⁾).

Динабургское комиссаріатское дѣло

1846—1850.

I.

Управляющимъ динабургскаго комиссаріатскаго комиссіею, въ началѣ 1846 года, былъ назначенъ гвардейскій капитанъ Александръ Антоновичъ Н—кій, съ переименованіемъ въ подполковники, по особой протекціи генераль-крюгсъ-комиссара Храпачова,—человѣкъ злой, жестокій, высокомерный и алчный.

По прибытіи въ Динабургъ, онъ въ первый же день нагналъ трепеть на всю комиссію и сразу наступилъ жестокою, неумолимою пятою на всѣ отрасли своего управленія.

Въ отношеніи динабургскаго общества онъ также началъ держать себя заносчиво и высокомерно, даже въ крѣпостномъ военномъ соборѣ отдѣлилъ для себя и своего семейства лѣвый клиросъ, обилъ его краснымъ сукномъ и заперъ на замокъ. Комендантомъ крѣпости былъ еще тогда почтенный старикъ, нѣмецъ Гельвихъ, который, ожидая назначенія членомъ генераль-аудиторіата, не вмѣшивался ни во что и потому не мѣшалъ Н—кому баррикадироваться въ церкви; а прибывшій впоследствии новый комендантъ, Андрей Михайловичъ Симборскій, человѣкъ энергическій и крутой, не хотѣлъ на первыхъ порахъ уничтожать въ соборѣ «ложу управляющаго», хотя не разъ крѣпко мылъ ему голову за заносчивость и особенно за то, что заставлялъ присылаемыхъ отъ коменданта плацъ-адъютантовъ ожидать по полчаса въ передней.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., томы LXI, стр. 355—368, и LXII, стр. 43—58.

Навроцкій, на основаніи правила *divide et impera*, постарался разсорить между собою всѣхъ членовъ присутствія комиссіи, а по возможности и всѣхъ чиновниковъ; для этого, по секрету, передавалъ онъ одному, что будто бы говорилъ о немъ другой, и наоборотъ; нашелъ лазутчиковъ и шпионовъ изъ числа тѣхъ подленькихъ личностей, въ которыхъ не бываетъ недостатка ни въ одномъ учрежденіи и которыя всегда ползаютъ и подличаютъ предъ начальникомъ; старался узнавать всю подноготную о каждомъ чиновникѣ и съ послѣдними обращался до крайности дерзко. Весь комиссаріатскій міръ въ Динабургѣ приунылъ, всѣ повѣсили носы, каждый дрожалъ за свой насущный кусокъ хлѣба.

Это было страшное время для динабургской комиссаріатской комиссіи!

Къ счастью, драконовское правленіе Навроцкаго длилось не болѣе полутора года. Онъ захотѣлъ обогатиться сразу, взлетѣлъ высоко, но оборвался, погибъ самъ и погубилъ съ собою пропасть народа.

Былъ въ комиссіи чиновникъ для особыхъ порученій, надворный совѣтникъ Петровскій, человѣкъ бѣдный и обремененный огромнымъ семействомъ, состоявшимъ изъ девяти дѣтей. Ему поручилъ Навроцкій приготовить коммерческимъ способомъ, на незначительную сумму, какой-то кожаный матеріалъ, кажется, кавалерійскіе темляки. Петровскій исполнилъ заказъ, но не только не представилъ Навроцкому никакой экономіи, а напротивъ, подалъ счетъ передержки нѣсколькихъ рублей. Управляющій страшно взбѣсился и въ присутствіи, при всѣхъ членахъ, выругалъ Петровскаго казарменными словами, назвалъ воромъ, мошенникомъ, дуракомъ и выгналъ вонъ.

Петровскій, выйдя изъ присутствія и сознавая все безсиліе свое, какъ человѣка бѣднаго и многосемейнаго, предъ могучею силою управляющаго, который можетъ выкинуть его съ дѣтьми на мостовую, началъ горько плакать. Товарищи его, узнавъ въ чемъ дѣло, сжалились надъ нимъ и начали уговаривать, чтобы онъ подалъ управляющему рапортъ о своей обидѣ и сослался на всѣхъ членовъ присутствія; Петровскій сначала ломался, но убѣжденный, что самъ Храпачовъ за него заступится и что рапортомъ своимъ онъ спасетъ прочихъ товарищей своихъ отъ поруганія, рѣшился дѣйствовать.

Членами присутствія тогда были: статскіе совѣтники баронъ Корфъ, Ретвигъ, Мануйленко и подполковникъ (переименованный изъ ротмистровъ гвардіи, бывшій адъютантъ генерала Штрандмана) Бертолино, красавецъ, но страшный кутила, запившійся впослѣдствіи на смерть.

Изъ членовъ этихъ одинъ баронъ Корфъ держалъ себя съ досто-

инствомъ и не унижался предъ Навроцкимъ, за что послѣдній ненавидѣлъ его открыто; прочіе же члены были покорными рабами управляющаго.

Для начала дѣла, Петровскій написалъ письмо къ барону Корфу, съ просьбою, дозволить ему въ рапортѣ своемъ сослаться на него, какъ на свидѣтеля. Петровскій писалъ, между прочимъ: «Изъ всѣхъ членовъ присутствія, вы одни человѣкъ честный и не откажетесь отъ того, что слышали; на прочихъ членовъ я сослаться не смѣю, зная, что они рабѣлствуютъ предъ деспотомъ управляющимъ и покажутъ то, что ему угодно».

Баронъ Корфъ позвалъ къ себѣ Петровскаго и совѣтовалъ ему, въ виду неравной борьбы, не начинать дѣла съ Навроцкимъ; но Петровскій не послушался и подалъ рапортъ, въ которомъ прописалъ всѣ ругательныя слова управляющаго и сослался на свидѣтельство барона Корфа.

Навроцкій, получивъ рапортъ, написалъ на немъ собственноручно: «Предлагаю г. ст. совѣтнику барону Корфу донести мнѣ надписью на семь-же, дѣйствительно ли я въ присутствіи его произнесъ означенныя здѣсь слова?»

— Напрасно вы требуете моего объясненія, замѣтилъ ему баронъ Корфъ; я вѣдь долженъ буду подтвердить справедливость донесенія.

— Попробуйте! грозно отвѣтилъ Навроцкій и съ презрѣніемъ бросилъ къ нему бумагу.

Баронъ Корфъ не хотѣлъ отвѣчать совѣмъ и держалъ нѣсколько дней бумагу у себя. Навроцкій приказалъ секретарю комиссіи Орловскому написать барону повтореніе, но Корфъ и повтореніе оставилъ безъ отвѣта. Тогда Навроцкій приказалъ Орловскому, въ присутствіи барона Корфа, написать послѣднему другое повтореніе, съ строгимъ выговоромъ за неисполненіе двухъ предыдущихъ требованій.

Орловскій, ненавидѣвшій, наравнѣ съ прочими, управляющаго, избралъ Корфа орудіемъ мести и написалъ ему такую дерзкую бумагу, что горячій нѣмецъ донесъ, какъ обѣщалъ, т. е. подтвердилъ истину всего изложеннаго въ рапортѣ.

Управляющій потребовалъ къ себѣ въ кабинетъ Петровскаго.

— Такъ вы вздумали бороться! Съ кѣмъ? Со мною? Да я тебя разотру ногою, выкину на улицу со всѣми твоими щ.....! Возьмите назадъ вашъ глупый рапортъ!

— Извините, Александръ Антоновичъ, этого я не могу сдѣлать, но прошу васъ, представьте его къ генералъ-крюгсъ-комиссару.

— Представить? Хорошо: я самъ свезу вашъ рапортъ въ Петербургъ. Положимъ, мнѣ сдѣлають выговоръ, но вѣдь на томъ и кончится.

А какъ вы думаете, кого изъ насъ оставлять на службѣ, ежели я заявлю, что служить съ вами не намѣренъ и попрошу уволить въ отставку васъ или меня? Неужели вы думаете, что я не долженъ буду этого сдѣлать?.. Но вотъ вамъ на выборъ: или оставить у меня рапортъ, съ тѣмъ, чтобы я далъ ему дальнѣйшій ходъ, или взять его отъ меня и принять холщевой сортъ—самый выгодный, я назначу васъ сортовымъ комиссіонеромъ. Ступайте, завтра въ эту пору дадите мнѣ вашъ отвѣтъ здѣсь же.

Петровскій вышелъ очень огорченный и отправился къ товарищамъ на совѣтъ. Товарищи и баронъ Корфъ, входя въ крайнее положеніе его, посовѣтовали ему не разбивать стѣны лбомъ, но примириться съ необходимостью и взять рапортъ назадъ, тѣмъ болѣе, что деспоту данъ уже урокъ и онъ впередъ не станетъ оскорблять чиновниковъ.

На другой день Петровскій пошелъ къ управляющему и доложилъ, что согласенъ взять назадъ свой рапортъ.

— Подайте мнѣ объ этомъ новый рапортъ, отвѣтилъ Навроцкій коротко.—Ступайте.

Петровскій написалъ требуемый рапортъ и принесъ его къ управляющему. Послѣдній взялъ карандашъ, началъ передѣлывать и исправлять бумагу, потомъ подалъ ее Петровскому и сказалъ:

— Перепишите эготъ рапортъ вотъ такъ.

Петровскій прочиталъ въ новой редакціи бумагу и перемѣнился въ лицѣ.

— Помилуйте, Александръ Антоновичъ, какъ же я могу написать подобный рапортъ? Это будетъ клевета на себя и величайшая подлость противъ такого благороднаго человѣка, какъ баронъ Корфъ.

Въ бумагѣ говорилось, будто Петровскій, мучимый совѣстью, проситъ возвратить ему прежній рапортъ, въ которомъ нѣтъ ни слова правды, такъ какъ со стороны управляющаго онъ никогда не встрѣчалъ ничего, кромѣ доброты и вѣжливости, но что баронъ Корфъ, питая непримиримую вражду къ управляющему, уговорилъ его, Петровскаго, послѣ долгихъ колебаній и сопротивленій со стороны послѣдняго, подписать эту завѣдомо лживую бумагу.

— Такъ вы не хотите подать мнѣ такой рапортъ, какъ я требую? Хорошо-съ. Вонъ!

Петровскій, придя домой, расплакался при видѣ кучи дѣтей. Часа черезъ два онъ имѣлъ малодушіе, трусость, низость—какъ хотите, уступить, переписалъ и отнесъ къ управляющему требуемый рапортъ и ожидалъ приказанія принять отъ надворнаго совѣтника

Точиловскаго холщевой сортъ, но, вмѣсто того, услышалъ обычное: вонь!

Навроцкій потребовалъ къ себѣ всю переписку и при особомъ письмѣ отправилъ ее къ генераль-кригсъ-комиссару, какъ доказательство, какими людьми онъ окруженъ, и просилъ о немедленномъ увольненіи въ отставку какъ барона Корфа, такъ и Петровскаго.

Генераль Храпачовъ не повѣрилъ, однако, такой грубой интригѣ, но зная барона Корфа съ прекрасной стороны, потребовалъ конфиденціально, непосредственно отъ него, объясненія.

Барона Корфа взорвала такая наглость управляющаго и Петровскаго; онъ вспомнилъ о письмѣ послѣдняго, въ которомъ Петровскій, считая одного его честнымъ человѣкомъ, просилъ дозволенія сослаться въ рапортѣ на него, какъ на свидѣтеля. Приглашенный къ нему Петровскій, со слезами на глазахъ, объяснилъ, что управляющій заставилъ его подать второй рапортъ и въ доказательство представилъ черныя, писанный рукою самого управляющаго.

Баронъ Корфъ, представляя эту черновую и письмо Петровскаго, разъяснилъ Храпачову всю интригу и присовокупилъ, что не Навроцкій окруженъ людьми дурными, а напротивъ, дурной человѣкъ данъ въ начальники честнымъ людямъ.

Переписка осталась въ комиссаріатскомъ департаментѣ безъ всякихъ послѣдствій для тронхъ виновниковъ ея, но потомъ всплыла на верхъ при обстоятельствахъ, гибельныхъ для Навроцкаго.

Надѣлавшее въ 1847 году много шума извѣстное «Комиссаріатское дѣло» состояло въ слѣдующемъ:

Подполковникомъ Навроцкимъ поручено было надворному советнику Шредеру заготовленіе, на коммерческомъ правѣ, полутора милліона аршинъ холстовъ для динабургской комиссаріатской комиссіи. Операция заготовки длилась довольно долго, и холсты, по мѣрѣ ихъ приобрѣтенія, доставлялись въ комиссію и складывались въ холщевой сортъ.

Когда поставка была окончена, Навроцкій, не принимая холстовъ и не назначая комиссіи для ихъ освидѣтельствованія, потребовалъ отъ Шредера 2,000 рублей сер. Комиссіонеръ испугался, но всѣ представленія его и просьбы не тронули управляющаго и онъ категорически заявилъ: или 2,000 рублей, или забракovanje холстовъ и преданіе суду заготовителя. Въ борьбѣ этой прошло двѣ недѣли, но какъ Навроцкій не только не уступалъ ни гроша, а напротивъ, жалъ Шредера изъ всѣхъ силъ и даже назначилъ свидѣтельствующую комиссію изъ лицъ, рабски ему послушныхъ, съ непремѣннымъ приказаніемъ забраковать всѣ холсты, то Шредеръ занялъ у купца

Рашпиля 2,000 рублей и отдалъ ихъ Навроцкому, послѣ чего приемная комиссія нашла холсты въ отличномъ качествѣ и выдала Шредеру квитанцію въ приемѣ ихъ.

Тогда Шредеръ, отъ имени жены своей, послалъ къ Храпачову прошеніе, въ которомъ описалъ злоупотребленіе и взяточничество управляющаго, и просилъ о возвратѣ послѣднимъ Рашпилю 2,000 р. Храпачовъ командировалъ въ Динабургъ чиновника Соколова, который сдѣлалъ все то, что хотѣлъ Навроцкій, и обвинилъ Шредера во лжи. Шредеръ послалъ новое прошеніе къ генераль-крюгсъ-комиссару и просилъ о назначеніи на слѣдствіе другаго, болѣе безпристрастнаго чиновника; вслѣдствіе этого былъ присланъ другой слѣдователь Грековъ, но и тотъ, въ угоду Навроцкому, донесъ, что Шредеръ, подученный врагами Навроцкаго, которыхъ здѣсь тьма и которые задались мыслью погубить управляющаго, за его строгость и безкорыстіе, клеветаетъ на него и что забракованные холсты будто были бы вывезены изъ комиссаріатской комиссіи и на мѣсто ихъ поставлены Шредеромъ новыя.

Шредеръ послалъ жалобу и на втораго слѣдователя и доказывалъ, что онъ не думалъ перемѣнять холстовъ; что въ Динабургѣ онъ не могъ найти полтора милліона ихъ, а для доставленія изъ великороссійскихъ губерній мало не только двухъ недѣль, но и двухъ мѣсяцевъ; наконецъ, самое главное то, что по комиссаріатскимъ книгамъ значится только одинъ входъ транспорта съ холстами на комиссаріатскій дворъ, выхода же его изъ онаго и вступленія новаго транспорта съ холстами не значится вовсе.

Навроцкій, кажется, струхнулъ и поѣхалъ самъ въ Петербургъ, гдѣ предъявили ему новый доносъ Шредера и сказали, что въ Динабургъ командировается для слѣдствія полковникъ Волковъ. Навроцкій, не медля ни минуты, написалъ къ заступавшему его мѣсто подполковнику Бертолино письмо, въ которомъ увѣдомлялъ его о командированіи Волкова, и приказалъ немедленно подмѣнить въ транспортной книгѣ листы и вписать въ нихъ статьи о вывозѣ прежнихъ холстовъ и входѣ транспорта съ новыми холстами; а какъ холщевой сортъ опечатанъ еще первымъ слѣдователемъ, впредь до рѣшенія генераль-крюгсъ-комиссара, то приказать коллежскому ассессору Точилковскому и помощнику его Короленко поднять потолоки ночью и вытащить оттуда всѣ тѣ негодныя холсты, которые служатъ «для хозяйственныхъ оборотовъ комиссіи» (т. е. для надувательства простофиль-казначеевъ), при чемъ члену присутствія статскому совѣтнику Ретвигу во все время ревизіи ходить за Волковымъ и «плакать» (sic!), жалуясь на негодныхъ доносчиковъ, которые смѣютъ

чернить комиссію, доведенную подполковникомъ Навроцкимъ до такого отличнаго, образцоваго состоянія.

Инструкція эта была исполнена съ буквальною точностью. Волковъ, по окончаніи слѣдствія, уѣхалъ вполне убѣжденный, что Шредеръ клеветникъ, не хотѣлъ даже его видѣть и донесъ, что забраккованные холсты, какъ видно по книгамъ, были дѣйствительно вывезены съ комиссаріатскаго двора въ сарай купца Поторочина и на мѣсто ихъ ввезены новыя, годныя.

Но Шредеръ опять послалъ прошеніе, одно на имя Храпачова, въ дополненіе прежнихъ, другое на высочайшее имя и третье къ военному министру и въ нихъ доказывалъ, что въ книгахъ сдѣланъ подлогъ, по приказанію управляющаго; что въ Динабургѣ ему, Шредеру, негдѣ было бы и помѣстить полтора милліона холстовъ, потому что во всемъ городѣ нѣтъ такого частнаго помѣщенія и что въ сараѣ Поторочина, въ которомъ онъ временно помѣщалъ незначительныя партіи холстовъ, впредь до сдачи ихъ въ комиссію, никакъ не можетъ помѣститься болѣе 30,000 аршинъ холста, стало быть, едва $\frac{1}{50}$ часть цѣлаго количества.

Между тѣмъ, Навроцкій во все время производства слѣдствій продолжалъ носиться опустошительнымъ ураганомъ надъ комиссіею и успѣлъ выгнать въ отставку болѣе 30 чиновниковъ, въ томъ числѣ и секретаря комиссіи Орловскаго. Самодурство его и необузданная злость въ отношеніи бѣдныхъ людей не встрѣчали ни малѣйшихъ преградъ и Навроцкій походилъ на разсвирѣпѣвшую бурю.

Чтобъ досадить Навроцкому, Орловскій обратился къ мѣстному ксендзу съ просьбою, привести его къ присягѣ въ томъ, что въ жалобахъ своихъ онъ будетъ показывать сущую правду. Получивъ присяжные листы, Орловскій приложилъ ихъ къ тремъ просьбамъ своимъ, посланнымъ: на высочайшее имя, къ военному министру и къ генералъ-крисъ-коммисару. Въ прошеніяхъ Орловскій съ безпощадною откровенностію раскрылъ всѣ злодѣянія Навроцкаго. Эти прошенія совпали съ послѣднимъ прошеніемъ Шредера и тутъ-то начался самый разгаръ дѣла. Храпачовъ увидѣлъ, какую птицу посадилъ на теплое динабургское гнѣздо. По высочайшему повелѣнію, былъ присланъ отъ военнаго министра ст. сов. Гинтеръ, который и раскрылъ всю подноготную. Онъ произвелъ обыскъ у Навроцкаго, арестовалъ и приложилъ къ дѣлу всѣ компрометирующія его бумаги и счета и донесъ военному министру, что Навроцкій безусловно виноватъ, какъ мошенникъ и казнокрадъ.

Воспослѣдовало высочайшее повелѣніе о преданіи военному суду подполковника Навроцкаго—арестованнымъ, всѣхъ трехъ слѣдователей,

Соколова, Грекова и Волкова, и чуть не поголовно всей комиссаріатской комиссіи, а именно 10-ти чиновниковъ въ оберъ-офицерскихъ и 18 въ штабъ-офицерскихъ чинахъ и изъ нихъ почти на половину арестованными. Навроцкій, испугавшись окончательно, усакалъ на курьерскихъ въ Петербургъ, но былъ арестованъ около Пскова и доставленъ на главную гауптвахту въ Динабургъ.

Впослѣдствіи прислана была въ комиссію военнаго суда, для пріобщенія къ дѣлу, переписка о Петровскомъ и баронѣ Корфѣ, о которой сказано выше.

Въ числѣ чиновниковъ динабургской комиссаріатской комиссіи былъ молодой человекъ Ходоровичъ, весельчакъ, любимый всѣми. Ему вздумалось занести на кухню къ Навроцкому пары двѣ или три рябчиковъ, застрѣленныхъ будто бы имъ самимъ. Приношеніе было принято. Въ другой разъ онъ занесъ двухъ крупныхъ щукъ, будто бы пойманныхъ въ Двинѣ имъ самимъ. Навроцкій какъ-то разъ потребовалъ его къ себѣ, весьма милостно поблагодарилъ и спросилъ, сколько ему за эти приношенія слѣдуетъ?

— Помилуйте, г. полковникъ, обижать изволите, отвѣчалъ Ходоровичъ. Я страстный охотникъ и рыболовъ, и при томъ счастливый; какъ холостой человекъ, не держу у себя кухни и всегда дарю товарищамъ то, что добуду. Я сочту себя вполне счастливымъ, ежели вы позволите мнѣ отнынѣ служить вамъ.

Управляющій снисходительно кивнулъ головою въ знакъ согласія.

Послѣ этого разговора Ходоровичъ еще раза два покупалъ дичь и рыбу и относилъ Навроцкому.

Когда до Динабурга дошли слухи, что Навроцкій отрѣшенъ отъ должности и предается суду, Ходоровичъ, вмѣстѣ съ другими, чрезвычайно этому обрадовался.

— Знаете-ли что, господа, сказалъ онъ товарищамъ, я хочу взбѣсить этого п....., пошлю ему счетъ за покупаемую для него, будто бы по его приказанію, дичь и рыбу и потребую денегъ; разумѣется, денегъ я не получу, да и не принялъ бы, если бы онъ и давалъ мнѣ, за то въ волю напорчу ему крови.

Товарищи одобрили злостную шутку и Ходоровичъ написалъ къ Навроцкому письмо, съ просьбою возвратить ему 97 руб. 50 коп., причитающіеся за дичь и рыбу, которыя онъ, Ходоровичъ, въ теченіи года, по его приказанію, закупалъ для его кухни.

Навроцкій страшно бѣсился, посылалъ за Ходоровичемъ, но тотъ къ нему не пошелъ.

Это было въ день обыска, произведеннаго Гинтеромъ въ квар-

тирѣ управляющаго, и письмо Ходоровича также было захвачено и приобщено къ дѣлу.

Впослѣдствіи письмо это послужило къ отягченію участи Навроцкаго: ему поставлено было въ вину и то, что онъ заставлялъ чиновниковъ поставлять для его стола бесплатно продукты.

Итакъ, этотъ гордый, высокомерный человѣкъ, не чувствовавшій подъ ногами земли и упиравшійся головою въ небо, былъ посаженъ на главную гауптвахту и помѣщенъ въ одной съ караульнымъ офицеромъ комнатѣ, снабженной окошкомъ съ желѣзною рѣшеткою.

Ударъ былъ страшный!

Арестованные чиновники были размѣщены по другимъ гауптвахтамъ крѣпости.

Вслѣдъ затѣмъ учрежденъ былъ и военный судъ. Презусомъ его былъ назначенъ командиръ динабургскаго артиллерійскаго гарнизона полковникъ Михаилъ Ивановичъ Головинъ; членами суда—офицеры изъ гарнизона, а дѣлопроизводителемъ аудиторъ Пронченковъ.

Въ прежнее блаженное время военные суды производились совсѣмъ не такъ, какъ теперь. Собирается бывало судъ, приводить подсудимаго, читаютъ ему бумагу о преданіи его суду и потомъ всѣ расходятся по домамъ. Затѣмъ дѣло ведетъ уже одинъ аудиторъ.

Пронченковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ циничныхъ аудиторовъ, которыми такъ была изобильна земля наша въ до-реформенное время и среди которыхъ начали появляться честные и умные аудиторы только съ преобразованіемъ аудиторскаго училища.

Пронченковъ началъ сосать Навроцкаго, жестоко, неумолимо, жадно, и нужно отдать ему справедливость, старался всѣми мѣрами обѣлгать его, для чего и прибѣгалъ къ самымъ возмутительнымъ натяжкамъ, которыя, разумѣется, не выдерживали никакой, даже самой снисходительной критики. Такъ, на примѣръ, сознававшимся въ преступленіи онъ говорилъ: «неправда, вы не совершали этого преступленія, вы не дѣлали подлога по книгамъ, вы дѣйствительно выпустили одинъ транспортъ и приняли другой». Шредеру, доказывавшему, что онъ не перемѣнялъ холстовъ и не могъ перемѣнить ихъ, говорилъ: «неправда, вы перемѣнили холсты, вы могли перемѣнить ихъ». Собственноручную надпись Навроцкаго на рапортъ Петровскаго отвергалъ, говоря, что карандашъ легко поддается подчисткѣ, и потому самъ Петровскій поддѣлалъ надпись подъ почеркъ Навроцкаго. Это походило на то, если-бы человѣкъ, зарѣзавшій другаго, явился въ судъ съ окровавленнымъ ножомъ и обвинялъ себя въ преступленіи, а судъ сказалъ бы ему: «врешь, не ты его зарѣзалъ, онъ самъ зарѣзался».

Шли мѣсяцы. Между тѣмъ, Навроцкій и его жертвы сидѣли на гауптвахтахъ. Онъ иногда прогуливался по платформѣ или сидѣлъ на крыльцѣ; но когда многіе изъ гулявшихъ по парадному плацу начали оскорблять его, то онъ пересталъ выходить изъ караульной комнаты. Бывало, онъ слышитъ:

— Что, подлецъ, попался на крючекъ! Повѣсить бы тебя, каналью, за столько жертвъ!

Кончилось тѣмъ, что Пронченковъ вообразилъ, будто бы успѣлъ втереть очки каждому и что даже генераль-аудиторіатъ будетъ смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія Пронченкова; словомъ, со всѣми грубыми натяжками оправдалъ Навроцкаго, обвинилъ Шредера, заставилъ презуса и членовъ суда подписать дѣло и представилъ его въ генераль-аудиторіатъ.

Узнавъ объ этомъ, Бертолино пожелалъ, съ своей стороны, насолить тому, предъ кѣмъ прежде работѣствовалъ—и вдругъ, съ пьяныхъ глазъ, представилъ къ генераль-крюгсъ-комиссару подлинное письмо Навроцкаго, заключающее въ себѣ упомянутую выше инструкцію, по случаю пріѣзда Волкова, продержавъ ее у себя около, если не больше, года.

По послѣдовавшей по этому дѣлу высочайшей конфирмаціи: подполковникъ Навроцкій разжалованъ въ рядовые, съ лишеніемъ дворянскаго достоинства и сосланъ въ Кавказскіе линейные баталіоны безъ выслуги; производившіе слѣдствіе чиновники, Соколовъ, Грековъ и Волковъ, исключены изъ службы, съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не принимать; прочіе комиссаріатскіе чиновники частію разжалованы въ рядовые, безъ лишенія дворянскаго достоинства, частію исключены изъ службы и частію уволены въ отставку; аудиторъ Пронченковъ и подполковникъ Бертолино преданы военному суду съ тѣмъ, чтобы судъ сдѣлалъ заключеніе о презусѣ и членахъ прежняго военного суда, учрежденнаго надъ Навроцкимъ.

Такъ кончилось дѣло высоко взлетѣвшаго и низко упавшаго Навроцкаго! Но это не былъ еще конецъ драмы: бывшій презусъ по его дѣлу, полковникъ Головинъ, затосковалъ въ ожиданіи развязки дѣла и на самое Вознесеніе 1850 года, выстрѣломъ изъ большаго солдатскаго пистолета, раздробилъ себѣ черепъ, разметавъ кости и мозгъ по стѣнамъ и потолку комнаты; Бертолино и Пронченковъ были исключены изъ службы и оба записались на смерть, перваго похоронили товарищи одного изъ армейскихъ уланскихъ полковъ, при которыхъ проживалъ онъ изъ милости, а второй пропалъ безъ вѣсти; члены суда также понесли болѣе или менѣе чувствительныя наказанія.

Остается немного добавить для полноты печальной картины.

По случаю исправленія главной гауптвахты, Навроцкій, до окончанія суда, перемѣщенъ былъ въ офицерскій флигель подъ № 17, гдѣ ему отведена была одна комната, съ часовымъ у двери. Подъ конецъ процесса, Навроцкаго окружала страшная бѣдность: на немъ былъ какой-то старый, затасканный халатишко, невзрачное одѣяльце, одна подушка и чуть ли это не весь его былъ скорбь; все высосалъ злой паукъ Пронченковъ; но гордость и заносчивость свою Навроцкій сохранилъ до послѣдней минуты пребыванія своего въ Динабургѣ и продолжалъ звать человека своего не иначе, какъ свистомъ, словно собаку.

Въ день передачи Навроцкаго на этапъ къ нему зашелъ фельдфебель комендантскаго управленія Близинокъ, принесъ солдатскую шинель и фуражку и приказалъ одѣваться.

— Хорошо, положи тамъ, коротко сказалъ Навроцкій, указывая на стулъ.

Фельдфебель обидѣлся.

— Что-же ты, сударь, мнѣ тыкаешь? Я, вѣдь, заслуженный фельдфебель, у меня серебряный темлякъ и двѣ трети прапорщичьяго жалованья; значить, добровольно отказался отъ офицерства; а ты былъ подполковникомъ, да не достоинъ былъ носить этотъ чинъ и теперь рядовой, стало быть, долженъ мнѣ честь отдавать; ты, вѣдь, теперь даже не дворянинъ.

Тяжелый былъ ударъ для гордости.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ Навроцкій былъ, по болѣзни, уволенъ въ отставку, безъ возвращенія, однако-же, чиновъ и дворянства.

II.

Изъ послѣдней польской смуты

1862 г.

Въ бытность мою старшимъ адъютантомъ главнаго штаба 1-й арміи въ Варшавѣ, я получилъ отъ начальника главнаго штаба генералъ-адъютанта Крыжановскаго предписаніе отъ 29-го апрѣля 1862 года, за № 1,907, скрѣпленное дежурнымъ генераломъ арміи генералъ-майоромъ Ганомъ, о томъ, что главнокомандующій арміею (графъ Лидерсъ) назначилъ меня членомъ слѣдственной комиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ командира Ладожскаго пѣхотнаго полка полковника Мясковского (нынѣ умершій), надъ 4-мя

офицерами 4-го стрѣлковаго баталіона, обвиняемыми въ важныхъ преступленіяхъ.

Третьимъ членомъ этой комиссіи былъ личный адъютантъ графа Лидерса, капитанъ фонъ-Бремзенъ (нынѣ умершій).

Начавъ слѣдствіе, мы нашли въ X павильонѣ варшавской Александровской цитадели слѣдующихъ лицъ 4-го стрѣлковаго баталіона: 1) штабсъ-капитана Непенина (24 лѣтъ), 2) поручика Арнгольдта (20 лѣтъ), подпоручиковъ: 3) Сливницкаго (21 года) и Піѣшкова (22 лѣтъ), унтеръ-офицера Ростковскаго (25 лѣтъ) и рядоваго Щура (24 лѣтъ). Съ дальнѣйшимъ развитіемъ дѣла, мы признали возможнымъ подпоручика Піѣшкова изъ подъ ареста освободить, а привлечь къ отвѣтственности поручика Каплинскаго (22 лѣтъ), переведеннаго изъ этого баталіона въ Владимірскій пѣхотный князя Горчакова полкъ—и поручика Абрамовича (24 лѣтъ), переведеннаго изъ штаба начальника артиллеріи 1-й арміи въ 7-ю артиллерійскую бригаду.

Главными преступниками оказались Арнгольдтъ и Сливницкій.

Начало преступленій ихъ скрывалось въ самомъ обществѣ того давно минувшаго времени офицеровъ 4-го стрѣлковаго баталіона. Общество это заключало тогда въ средѣ своей нѣсколько недостойныхъ личностей. Преобладающій въ немъ элементъ былъ шведскій. Вожакомъ зла въ баталіонѣ былъ командиръ 1-й роты капитанъ Крокъ (нынѣ умершій), человѣкъ грубый и имѣвшій неограниченное вліяніе на ограниченнаго и слабаго баталіоннаго командира своего, также шведа, подполковника Хестеско (нынѣ умершій). Въ баталіонѣ существовали въ то время враждебныя другъ другу партіи и Хестеско не умѣлъ соединить разрозненныя звенья цѣпи. Онъ, впрочемъ, сдѣлалъ было одну попытку къ этому, но она оказалась мертворожденнымъ дитятею: завелъ было между офицерами, такъ называемые у нихъ въ насмѣшку, ситцевые вечера, на которые дамы обязывались приходить въ ситцевыхъ платьяхъ. Порядочныя дамы тамъ не появлялись, потому что шведы начали приводить туда проститутокъ и вечера только способствовали усиленію оргій въ баталіонѣ. Безобразія дошли до того, что начальникъ штаба 2-го армейскаго корпуса ген.-м. Батезатулъ (нынѣ умершій) производилъ о нихъ слѣдствіе. Онъ обнаружилъ самыя постыдныя вакханаліи офицеровъ, прогулки съ проститутками, одѣтыми въ офицерскіе сюртуки, предъ бараками, днемъ; разныя драки и проч. Подполковникъ Хестеско не заступался за обиженныхъ, но предоставлялъ оскорблять ихъ безнаказанно—и не унималъ оргій. Конечно, подъ его же вліяніемъ, слѣдствіе кончилось тѣмъ, что оскорбленные и протестовавшіе противъ оскорбленій переведены въ другія войска.

Наша комиссія коснулась только вскользь этого несправедливаго дѣла, записавъ показанія подсѣдственныхъ офицеровъ въ протоколъ. Во всякомъ случаѣ, подобное рѣшеніе дѣла служило упрекомъ Батезатулу, да и самому корпусному командиру Хрулеву.

Русская молодежь отдѣлилась отъ шведской. Аригольдъ, Сливницкій, Непенинъ, Плѣшковъ и Каплинскій, по образованію своему, не могли дѣлать празднаго и разгульнаго образа жизни шведовъ товарищей и отстранились отъ нихъ въ особую семью, какъ одноклассники Павловскаго кадетскаго корпуса. Они стали вмѣстѣ заниматься литературою и музыкою.

Къ несчастію для нихъ, Каплинскій добылъ запрещенныя сочиненія: «Великоруссъ», «Полярная Звѣзда», «Историческій Сборникъ», «Колоколъ» и др. Они начали читать ихъ съ увлеченіемъ и вѣрою въ авторитеты.

Но вотъ Сливницкому поручена фехтовальная команда. Сдѣлавшись неожиданно начальникомъ особой части, онъ, какъ отставшій отъ общества офицеровъ, чувствовалъ потребность въ какомъ нибудь обществѣ и потому сблизился съ своею командою, полюбилъ ее, какъ игрушку, и обращался съ нею, какъ съ игрушкою.

Надобно замѣтить, что 1862 годъ былъ весьма смутнымъ годомъ для Россіи: общество казалось какъ бы распатаннымъ въ основахъ своихъ; нѣкоторые учителя проводили между учениками самыя дикія доктрины; другіе же боялись учениковъ своихъ; родители опасались дѣтей; въ глубинѣ Россіи въ нѣкоторыхъ, хотя бы и въ немногихъ, мѣстахъ, но, къ величайшему сожалѣнію здраваго смысла, встрѣчали ссыльныхъ поляковъ оваціями и вѣнками, какъ «мучениковъ идей»; даже въ нѣкоторыхъ частяхъ войска дисциплина начала сильно колебаться, вслѣдствіе сочувствія молодыхъ офицеровъ полякамъ и увлеченія новымъ вѣяніемъ. Воспламененный зажигательными сочиненіями, 20-ти-лѣтній Сливницкій вообразилъ себѣ, что его задача—быть какимъ-то начальникомъ прогрессивнымъ, передовымъ, чуждымъ прежней рутинѣ; а замѣтивъ любовь къ себѣ солдатъ, онъ довѣрился имъ вполнѣ, дѣлился съ ними своими знаніями, впечатлѣніями, даже самыми завѣтными мыслями, болталъ обо всемъ, словно дитя съ куклою, не разсуждая, въ состояніи ли она понимать его?

Аригольдъ находился въ тѣхъ же условіяхъ. Онъ чувствовалъ съ своей стороны ту-же потребность въ игрушкѣ; но, будучи батальоннымъ адъютантомъ, не могъ имѣть никакой команды и потому привязался къ куклѣ своего друга. Оба они начали преслѣдовать химерическую цѣль: возвышенія нравственности солдата до уровня съ собою—и увлеклись! Они сѣяли въ умахъ всякое сѣмя, и доброе,

и дурное, не рассчитывая на почву, въ которой доброе сѣмя могло заглухнуть, и посѣянные въ умахъ ихъ идеи перепутаются и породятъ умственный хаосъ.

Поведеніе Аригольдта и Сливицкаго первоначально не имѣло однако никакого вида заговора, доказательствомъ чего служить, во-первыхъ, то, что въ легкомысленныя дѣйствія свои они не посвятили никого изъ офицеровъ, даже Непенина и Плѣшкова, и во вторыхъ, что отвергли предложеніе унтеръ-офицера Ростковскаго (поляка) познакомиться съ варшавскими студентами, стоявшими во главѣ всѣхъ тогдашнихъ демонстрацій.

Сливицкій имѣлъ слабый характеръ и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ Аригольдта, который былъ очень самостоятеленъ. Оба они были, внѣ ихъ дикаго увлеченія политическими бреднями, нравственные молодые люди.

Штабсъ-капитанъ Непенинъ былъ человѣкъ честный и правдивый. Подполковникъ Хестеско не могъ представить ни одного случая къ обвиненію его, такъ же, какъ и къ обвиненію Плѣшкова. Комиссія ставила ему въ вину только излишнюю снисходительность къ нижнимъ чинамъ, равнявшуюся слабости. Виновымъ первоначально оказался онъ не противъ правительства, а противъ капитана Крока, тѣмъ, что отдавалъ своей ротѣ четвертую часть экономическаго провіанта, чего въ ротѣ Крока не водилось. Крокъ не могъ простить этого Непенину, потому что долженъ былъ имѣть съ ротою объясненіе по поводу экономическаго провіанта, при чемъ онъ свалилъ всю вину на каптенармуса и артельщика. Наша комиссія донесла объ этомъ корпусному командиру Хрулеву, для производства особаго слѣдствія; но и затѣмъ Крокъ зла не исправилъ; артельщикъ остался тотъ же самый и никто изъ нижнихъ чиновъ не смѣлъ заикнуться о смѣнѣ его; къ подававшимъ же объ этомъ голосъ придирались за какую нибудь бездѣлицу и крѣпко наказывали. Между тѣмъ, приказомъ по корпусу предоставлялось нижнимъ чинамъ смѣнять артельщика по собственному ихъ желанію. Всего этого баталіонный командиръ не хотѣлъ видѣть и лишь «говорунувъ» переводилъ отъ Крока въ другія роты. Непенинъ былъ характера не сообщительнаго; въ самомъ веселомъ обществѣ на лицѣ его рѣдко удавалось встрѣчать улыбку. Крокъ умѣлъ представить предъ полковникомъ Хестеско Непенина чуть ли не главнымъ заговорщикомъ. Плѣшковъ, вмѣстѣ съ Сливицкимъ, страстно преданный музыкѣ, также, по мнѣнію Хестеско, могъ быть заговорщикомъ, и судьба ихъ рѣшилась: онъ легкомысленно опозорилъ Непенина и Плѣшкова тяжкимъ подозрѣніемъ въ измѣнѣ законному государю, — подозрѣніемъ, основаннымъ на

одномъ лишь характерѣ офицеровъ; такимъ образомъ попали они въ цитадель, въ число политическихъ преступниковъ, арестованные полиціею, и позоръ этотъ пошелъ повсюду по слѣдамъ ихъ и имѣлъ вредное вліяніе на всю послѣдующую ихъ службу, за что, конечно, не могъ уже ничѣмъ вознаградить ихъ баталіонный командиръ. (Изъ докладной записки моей начальнику главнаго штаба 1-й арміи, отъ 29-го мая 1862 года).

Легкомысленные въ началѣ поступки Аригольдта и Сливицкаго постепенно вывели ихъ на стезю преступленія. Самыми ревностными послѣдователями ихъ, изъ всей фехтовальной команды Сливицкаго, оказались: полякъ унтеръ-офицеръ Ростковскій и рядовой Щуръ. Оба они принялись усердно читать прочимъ товарищамъ книги, получаемыя отъ офицеровъ, и повторять ихъ поученія. Они же, по совѣту Сливицкаго, взялись пойти въ приготовляемые къ инспекторскому смотру корпуснаго командира Олонецкій и Шлиссельбургскій пѣхотные полки (4-й пѣх. див.) и подговорить солдатъ отвѣчать молчаніемъ на привѣтствіе корпуснаго командира, равно на его спасибо въ случаѣ удачи смотра, дабы тѣмъ выразить неудовольствіе свое за частые смотры и разводы. Въ этомъ дѣйствіи вполнѣ проявилась глупость обонихъ нижнихъ чиновъ и ихъ начальника: исполнить нелѣпный замыселъ въ самый день смотра можно было бы только въ отношеніи одного человѣка, но ужь никакъ не двухъ полковъ четырехъ-баталіоннаго состава. Это значило добровольно вложить шею въ петлю, а что Ростковскій и Щуръ дѣйствительно хотѣли мятежное намѣреніе свое исполнить именно въ день смотра, служить то, что они не застали уже полковъ въ казармахъ и нашли ихъ на смотровомъ плацу.

Ростковскій и Щуръ, поощряемые безнаказанностію, довольно долго дѣйствовали въ баталіонѣ съ изумительною дерзостью, получая каждый день новыя и новыя поученія отъ Аригольдта и Сливицкаго. Наконецъ, нелѣпыя эти затѣи стали разбиваться о здравый смыслъ русскаго солдата.

— Да что-же это, братцы, стали разсуждать между собою стрѣлки,—никакъ этотъ полякъ, да этотъ жидъ на бунтъ противъ начальства, да и противъ самого его императорскаго величества насъ поднимають?... Что-то не такъ... не ладно! А что, ежели и молодые офицеры съ ними за одно, то развѣ и между господами не бываютъ измѣнщики?

— Правда! отвѣчали другіе.—Коли-бъ они говорили правильно, то почему же не говорятъ намъ о томъ начальники въ ротной школѣ?

Почему тамъ этихъ книжекъ намъ не читають, а здѣсь велятъ ихъ прятать? Стало быть, книжки-то эти полякъ выдумалъ.

— Полякъ и есть! Вишь ты, съ чѣмъ подѣхалъ! Не стрѣлай, молъ, въ поляка, а стрѣлай въ свою начальника, что велитъ бить поляка!.. Вонъ они какъ смущають народъ-то! Хитры мятежники!

Разсужденія эти подслушали фельдфебеля и доложили ротнымъ командирамъ, которые немедленно отобрали революціонныя сочиненія, узнали, отъ кого солдаты ихъ добыли и представили баталіонному командиру.

На слѣдствіи солдаты, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались обвинять офицеровъ и взводили на нихъ даже явно бессмысленныя и нелѣпыя преступленія, до того, что мы, слѣдователи, должны были уличать ихъ во лжи и безсовѣстности. Такъ, напримѣръ, одинъ унтеръ-офицеръ свидѣтельствовалъ, будто Аригольдтъ и Сливицкій говорили, что нельзя молиться архіерейскимъ кругамъ (то есть орламъ, которые подкладываются архіереямъ подъ ноги, во время священнодѣйствія), потому будто, что на нихъ находятся государственныя гербы съ императорскою короною.

Сливицкій до такой степени былъ убитъ духомъ, что потерялъ если не сознаніе, то память, и во всѣхъ обвиненіяхъ сознавался какъ-то апатически, какъ бы очертя голову и едва ли не взвелъ на себя преступленій больше, нежели совершилъ въ самомъ дѣлѣ. Противъ каждаго вопроса: говорили-ль вы то-то, писалъ: «говорилъ», «виноватъ», «сознаюсь». Онъ присовокупилъ въ оправданіе свое, что «былъ тогда какъ съумасшедшій и съ ужасомъ вспоминаетъ теперь свои глупыя рѣчи!»

Слѣдствіе открыло рядъ преступленій, имѣвшихъ цѣлью измѣну и бунтъ нижнихъ чиновъ.

Такія тяжкія преступленія, хотя и совершенныя сравнительно мальчиками, не могли быть главнокомандующимъ, въ виду поддержанія дисциплины въ войскахъ, оставлены безъ строжайшаго по законамъ военнаго времени наказанія, и потому графъ Лидерсъ, приказомъ 1-й арміи, отъ 5-го іюня 1862 года за № 107, предалъ Аригольда, Сливицкаго, Каплинскаго и Абрамовича военному суду, подъ предсѣдательствомъ генераль-маіора Алексѣева, «съ тѣмъ, чтобы приговоръ о нихъ былъ постановленъ на основаніи полевыхъ уголовныхъ законовъ и судъ оконченъ не далѣе пяти сутокъ».

Судъ окончился своевременно и дѣло представлено на конfirmaцію къ главнокомандующему.

14-го іюня 1862 г. членъ нашей слѣдственной комиссіи, капитанъ фонъ-Бремзенъ, далъ знать полковнику Мясковскому и мнѣ,

что ему необходимо видѣть подсудимыхъ. Еще во время производства слѣдствія мы постановили, что ни одинъ изъ насъ входить къ арестованнымъ по одиночкѣ не имѣетъ права. По окончаніи надѣ подсудимыми суда, мы выпросили у графа Лидерса разрѣшеніе помѣстить Аригольдта и Сливицкаго, вслѣдствіе усиленной просьбы ихъ, въ одной камерѣ. Полагая, что фонъ-Бремзенъ имѣетъ о чемъ нибудь объявить подсудимымъ отъ имени главнокомандующаго, мы всѣ трое поѣхали въ цитадель. При входѣ нашемъ въ камеру Аригольдта и Сливицкаго, Бремзенъ сказалъ имъ:

— Господа, приготовьтесь! Главнокомандующій утвердилъ вашъ смертный приговоръ. Сегодня ночью увезутъ васъ въ Новогеоргиевскую крѣпость и тамъ вы будете разстрѣляны.

Аригольдтъ поблѣднѣлъ и тяжело упалъ на стулъ, а слабонервный Сливицкій горько зарыдалъ.

— Помилуйте! сказалъ онъ.—Я такъ молодъ, я жить хочу! Умоляю главнокомандующаго дать намъ возможность загладить нашу вину и быть полезными сынами отечества!

По выходѣ изъ камеры, полковникъ Мясковскій спросилъ фонъ-Бремзена:

— По какому праву вы объявили это подсудимымъ? Если по волѣ главнокомандующаго, то почему не чрезъ меня, какъ предсѣдателя?

— Мнѣ совсѣмъ ничего не приказывалъ графъ! отвѣчалъ заносчиво фонъ-Бремзенъ.—При томъ же вы уже не предсѣдатель; но я узналъ, что графъ сегодня утвердилъ смертный приговоръ и потому счелъ обязанностію своею (?) предупредить преступниковъ, чтобъ они освоились съ мыслью о смерти...

— И умирали бы нѣсколько сутокъ! перебилъ я съ негодованіемъ,—умирали бы медленною смертью, когда тутъ каждая минута кажется вѣчностію! Это съ вашей стороны жестоко, возмутительно! Я вернулся въ камеру вмѣстѣ съ Мясковскимъ.

— Успокойтесь, господа! сказалъ я молодымъ людямъ.—Вѣрьте Бремзену только на половину: приговоръ о васъ дѣйствительно утвержденъ и васъ перевезутъ сегодня въ Новогеоргиевскъ; но скажу вамъ въ величайшемъ секретѣ: главнокомандующій приказалъ совершить надъ вами только обрядъ смерти, т. е. надѣть на васъ саваны и даже привязать къ столбамъ—и потомъ объявить помилованіе.

Мясковскій съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку.

Обоихъ этихъ офицеровъ, а также унтеръ-офицера Ростковскаго и рядоваго Шура дѣйствительно въ ту-же ночь перевезли въ закрытомъ omnibusъ въ Новогеоргиевскую крѣпость (16 верстъ отъ Варшавы).

16-го іюля того-же 1862 года былъ опубликованъ слѣдующій —

Приказъ 1-й арміи

Главная квартира въ Варшавѣ. № 119. Іюня 16-го дня 1862 года.

4-го стрѣлковаго баталіона поручикъ Иванъ Аригольдтъ, подпоручикъ Петръ Сливичкій 2-й и унтеръ-офицеръ Францъ Ростковскій, переведенный 8-го мая сего года изъ этого баталіона въ Владимірскій пѣхотный генерала отъ инфантеріи князя Горчакова полкъ поручикъ Василій Каплинскій, переведенный изъ штаба начальника артиллеріи 1-й арміи въ 7-ю артиллерійскую бригаду поручикъ Станиславъ Абрамовичъ и 4-го же стрѣлковаго баталіона рядовой Левъ Щуръ, по произведенному надъ ними, на основаніи полевыхъ военнѣхъ законовъ, военному суду, оказались виновными:

1) Поручикъ Аригольдтъ и подпоручикъ Сливичкій 2-й: а) въ оскорбленіи священной особы его императорскаго величества, распространеніемъ между нижними чинами, состоявшей въ завѣдываніи подсудиимаго Сливичкаго 2-го фехтовальной команды, ложныхъ и дерзкихъ разсказовъ объ особѣ его величества и царствующемъ домѣ, взятыхъ изъ враждебныхъ Россіи сочиненій; б) въ порицаніи и превратномъ истолкованіи правительственныхъ реформъ по крестьянскому дѣлу и въ Царствѣ Польскомъ; в) въ возбужденіи нижнихъ чиновъ къ явному неповиновенію начальству и даже бунту; г) въ томъ, что имѣли у себя возмутительнаго содержанія сочиненія и распространяли ихъ между нижними чинами, и д) вообще въ распространеніи между нижними чинами крайне зловредныхъ идей, имѣвшихъ цѣлью поколебать въ нихъ духъ вѣрности и повиновенія законнымъ властямъ.

2) Унтеръ-офицеръ Ростковскій: а) въ храненіи и распространеніи между нижними чинами брошюръ возмутительнаго содержанія; б) въ чтеніи и передачѣ для того же рядовому Щуру полученныхъ имъ отъ поручика Аригольдта и подпоручика Сливичкаго 2-го сочиненій крайне возмутительнаго содержанія; в) въ участіи въ преступленіяхъ поручика Аригольдта и подпоручика Сливичкаго 2-го тѣмъ, что, зная о неблагонамѣренныхъ ихъ дѣйствіяхъ, не донесъ объ этомъ начальству и, кромѣ того, взялся исполнить порученіе подпоручика Сливичкаго 2-го подговорить нижнихъ чиновъ Шлисельбургскаго и Олонеккаго пѣхотныхъ полковъ не отвѣчать, во время смотра, на привѣтствіе начальника, чего не исполнилъ только потому, что означенные полки уже были выведены на смотръ; г) въ храненіи у себя и не представленіи начальству двухъ запрещенныхъ пѣсенъ, и д) въ самовольныхъ отлучкахъ изъ команды въ партикулярномъ платьѣ въ заведеніи и развратные дома.

3) Поручикъ Каплинскій: а) въ храненіи у себя и распространеніи, очевидно съ преступною цѣлю, между другими крайне возмутительнаго содержанія сочиненій, подъ заглавіемъ «Великоруссъ» и «Историческій Сборникъ», чтеніе которыхъ, по собственному сознанію одного изъ подсудиимаго подпоручика Сливичкаго 2-го, имѣло особенно гибельное вліяніе на умъ его и преимущественно побудило его на преступленіе, и б) въ упорномъ заpiresствѣ на первоначальныхъ допросахъ о томъ, что не передавалъ другимъ этихъ сочиненій и что послѣдняго изъ нихъ вовсе не имѣлъ у себя.

4) Поручикъ Абрамовичъ въ томъ, что, взявъ у поручика Каплинскаго вышеназванное сочиненіе «Великоруссъ», не только не представилъ этого сочи-

ненія начальству, но давалъ, хотя и безъ особой злонамѣренной цѣли, читать его сослуживцамъ своимъ;

и 5) Рядовой Щуръ: а) въ участіи въ преступныхъ замыслахъ поручика Аригольдта и подпоручика Сливницкаго 2-го тѣмъ, что не донесъ о дѣйствіяхъ ихъ начальству и взялся, вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ Ростковскимъ, исполнить порученіе подпоручика Сливницкаго 2-го подговорить нижнихъ чиновъ Шлиссельбургскаго и Олонецкаго пѣхотныхъ полковъ не отвѣчать, во время смотра, на привѣтствіе начальника, чего не исполнилъ только потому, что означенные полки уже были выведены на смотръ, и б) въ томъ, что, зная о преступныхъ дѣйствіяхъ унтеръ-офицера Ростковскаго и о томъ, что онъ читаетъ запрещенныя книги, не только не донесъ о томъ, но и самъ бралъ эти сочиненія для чтенія.

За вышеизложенныя преступленія, господинъ временно главнокомандующій арміею опредѣлялъ:

1) Поручика Аригольдта, подпоручика Сливницкаго 2-го и унтеръ-офиц. Ростковскаго, на основаніи 15, 168, 171, 172, 173, 174, 175, 606 и 614 статей 1-й книги военно-уголовнаго устава (изданія 1859 г.) и 275, 276, 283, 287 и 288 статей 1-й книги XV тома свода законовъ (изданія 1857 г.), по лишеніи первыхъ двухъ чиновъ, дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, а послѣдняго бронзовой медали въ память минувшей войны и воинскаго званія. а также и всѣхъ правъ состоянія, казнить смертію разстрѣляніемъ, съ тѣмъ, чтобы смертная казнь надъ этими преступниками была исполнена по мѣсту содержанія ихъ подъ арестомъ, въ Новогеоргіевской крѣпости.

2) Поручика Каплинскаго, на основаніи 286 статьи I книги XV тома свода законовъ (изданія 1857 года), по лишеніи чиновъ, дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на шесть лѣтъ.

3) Поручика Абрамовича, примѣняясь къ вышеприведенной 286 статьѣ и по смыслу 409 статьи 2-й книги военно-уголовнаго устава (изданія 1859 г.), по отставленіи отъ службы, выдержать въ казематѣ Новогеоргіевской крѣпости подъ арестомъ три мѣсяца, и затѣмъ отдать подъ надзоръ полиціи на три года,

и 4) Рядоваго Щура, во вниманіе къ тому, что онъ вовлеченъ въ преступленіе вліяніемъ, какое имѣли на него Сливницкій, Аригольдтъ и въ особенности Ростковскій, вмѣсто смертной казни, лишивъ медали въ память минувшей войны, воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія, наказать шпицрутенами чрезъ сто человѣкъ шесть разъ и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ.

О таковой конфирмаціи, приведенной уже, по приказанію генераль-адъютанта графа Лидерса, сего числа, въ исполненіе, объявляю 1-й арміи.

Подписалъ: За болѣзнію временно главнокомандующаго арміею, генераль-адъютантъ Мерхелевичъ.

Непенинъ и Плѣшковъ были переведены въ другія войска, безъ всякихъ ограниченій.

Перевозъ преступниковъ въ Новогеоргіевскъ для казни вызванъ былъ опасеніемъ, чтобы въ войскахъ варшавскаго гарнизона не возникъ случай ослушанія со стороны экзекуціонныхъ войскъ. Отъ того и самая казнь была совершена секретно, во рву крѣпости Новогеор-

гівескѣ, и даже приказъ за № 119, какъ видно изъ послѣднихъ словъ его, объявленъ тогда, когда все уже свершилось. Дежурный генералъ арміи, Александръ Ѳеодоровичъ Ганъ ¹⁾, самъ возилъ конфирмацію въ Новогеоргіевскъ и привелъ приговоръ въ исполненіе въ крѣпостномъ рву. По его словамъ, офицеры тихо и безропотно шли на казнь, вѣроятно рассчитывая, что надъ ними въ самомъ дѣлѣ совершать только обрядъ смерти; одинъ лишь Ростковскій, когда его привязывали къ столбу, просилъ застрѣльщиковъ:

— Ребята! Пожалуйста, дѣльтесь хорошенько: прямо въ сердце!!.

Такъ окончилась эта драма! Мѣра была ужасная, но въ то время крайне необходимая и неизбежная.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ казни Хрулевъ подѣхалъ къ 5-му стрѣлковому баталіону и сказалъ, обращаясь къ солдатамъ:

— Ребята! если между вашими офицерами найдутся такіе подлецы, какъ въ 4-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ, то я приказываю вамъ поднять ихъ на штыки.

Въ баталіонѣ между офицерами возникли волненія, пошли коллективныя жалобы—и кончилось тѣмъ, что многихъ офицеровъ изъ этого баталіона перевели въ другія войска; Хрулевъ также не долго послѣ этого командовалъ корпусомъ.

Броженіе, однако, не скоро еще улеглось въ войскахъ между молодыми офицерами. Нѣсколько человекъ изъ нихъ, изъ 6-й артиллерійской бригады, во главѣ съ поручикомъ Огородниковымъ ²⁾, просили полковаго священника отслужить панихиду «по рабахъ Божіихъ Іоаннѣ и Петрѣ войнахъ, во брани животъ свой положившихъ». Священникъ отслужилъ, на потомъ сообразилъ, что Іоанномъ былъ Аргольдтъ, а Петромъ Сливицкій—и донесъ о томъ начальству.

Пошла опять передрыга. Огородниковъ (нынѣ покойный) съ соучастниками посажены въ цитадель....

.....

Скажу здѣсь еще нѣсколько словъ о капитанѣ Крокѣ.

Онъ вскорѣ былъ произведенъ въ майоры и назначенъ командиромъ стрѣлковаго же баталіона. Въ 1863 году онъ оказалъ чудеса храбрости въ стычкахъ съ мятежническими шайками. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, кажется, подъ Влощовымъ, мятежники окопались, устроивъ что-то въ родѣ редута, залегли въ немъ и встрѣтили стрѣлковую роту сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Солдаты укрылись за деревьями

¹⁾ Въ 1887 году, въ Висбаденѣ, А. Ѳ. Ганъ подробно рассказывалъ намъ этотъ эпизодъ въ его жизни.

²⁾ Огородниковъ, впоследствии писатель и путешественникъ, авторъ интересныхъ записокъ. Умеръ въ Москвѣ.

и другими прикрытіями и нѣсколько минутъ отстрѣливались. Крокъ, на своей бѣлой лошаdkѣ, на которой всегда ѣздилъ, подѣхалъ къ мѣсту боя, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, потомъ приблизился къ самому редуту, взглянулъ въ ровъ, плюнулъ въ него и крикнуть:

— Ко мнѣ, ребята! ура! Передуйте эту сволочь!

Стрѣлки бросились и въ одинъ мигъ битва была кончена.

Онъ умеръ совсѣмъ не старымъ человѣкомъ.

III.

Изъ одесской жизни.

1.

1865 годъ я провелъ на службѣ въ Одессѣ.

Вскорѣ послѣ прибытія моего туда случилось Каракозовское покушеніе. Всю Одессу объялъ немовѣрный ужасъ. Телеграмма тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, на имя генераль-губернатора Павла Евстафьевича Коцебу, не оставляла никакого сомнѣнія въ дѣйствительности покушенія, но имена Каракозова и Комисарова никому еще не были извѣстны, такъ какъ въ телеграммѣ о нихъ не упоминалось. Немедленно начались торжественныя благодарственные молебствія во всѣхъ церквахъ, сперва православныхъ, а потомъ въ католической, лютеранской и, наконецъ, въ еврейской синагогѣ.

Старшины еврейской синагоги пригласили въ нее на благодарственный молебенъ всю одесскую аристократію. А аристократіи въ Одессѣ куда какъ много. Однихъ консуловъ можно считать десятками. Самихъ генераль-губернаторовъ было четыре: Коцебу, графъ Лидерсъ, графъ Строгановъ, князь Воронцовъ — и хотя Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ тогда уже не жилъ, но была еще въ живыхъ супруга его и сынъ Семенъ Михайловичъ, тогдашній одесскій городской голова. Не говорю о банкирахъ и богатыхъ купцахъ всѣхъ націй, особенно итальянскихъ и греческихъ.

Вообще, Одесса, съ самаго начала существованія своего и *porto franco*, была какъ бы клиномъ изъ другаго матеріала, вбитымъ въ тѣло Россіи, государствомъ въ государствѣ и носила на себѣ характеръ всѣхъ народностей: итальянской, греческой, даже еврейской, только отнюдь не русской. Самыя вывѣски и названія улицъ были писаны на итальянскомъ языкѣ, напримѣръ: «*Calzolaria Italiana*»

(сапожная мастерская), «Cantina con diversi vini» (винный погребок), «Stada Richellieu», «Stada De-Ribassa», «Stadella Teatro» и т. п. Генералъ-губернаторы изъ кожи лѣзли, чтобъ пріобрѣсть популярность въ Одессѣ и увѣковѣчить въ ней свое имя—и почти всѣ успѣвали въ этомъ, потому что въ Одессѣ донинѣ существуютъ: «Дача Ланжеронъ», «Ришельевскій бульваръ», «Воронцовская Слобода», «Строгановскій мостъ» и проч. Коцебу также былъ на то, чтобы какая-нибудь часть въ городѣ была названа «Коцебутинскою» — и добился того, что одинъ изъ пароходовъ русскаго общества пароходства и торговли названъ его именемъ.

Одесская синагога — великолѣпное зданіе, чуть-ли не изъ одного мрамора построенное. Хоръ пѣвчихъ въ ней состоялъ исключительно почти изъ италіанцевъ. Кантору (запѣвалъ) синагоги общество платило жалованья 5,000 рублей; дивный, бархатисто-нѣжный и высокій теноръ его могъ бы сдѣлать честь любому европейскому театру.

Проповѣднику также платили 5,000 рублей и онъ носилъ титулъ «доктора богословія», полученный имъ въ гейдельбергскомъ университетѣ.

Еврейское общество встрѣтило христіанъ весьма любезно, просило ихъ надѣть шляпы и каски, ввело въ синагогу и разсѣло на лучшихъ мѣстахъ. Въ числѣ посѣтителей было не мало православнаго бѣлаго духовенства и священниковъ прочихъ христіанскихъ исповѣданій.

Удивляться этому рѣшительно было нечего, такъ какъ одесскіе христіане въ то время до того сблизились съ евреями (по крайней мѣрѣ высшій классъ однихъ и другихъ), что чувство благочестія вашего даже не возмущалось при видѣ евреевъ въ православномъ соборѣ. Популярный архіепископъ Иннокентій Таврическій, бывало, самъ приглашаетъ въ соборъ еврейскую и мусульманскую интеллигенцію, говоря:

— Вотъ приходите завтра (или тогда-то) въ соборъ, послушайте, какое произнесу я (по случаю такого-то событія) слово!

Но между низшими слоями христіанства и еврейства существовалъ непреодолимый антагонизмъ, котораго никто и не заботился искоренять и который довелъ въ послѣдствіи до извѣстныхъ страшныхъ еврейскихъ погромовъ. Въ особенности не терпѣли евреевъ греки и дѣлали имъ на зло, гдѣ только могли. Такъ, напримѣръ, во время шабашовыхъ прогулокъ по улицамъ громадной толпы разряженныхъ евреевъ (тогда еще въ кринолинахъ), разсыпали по тротуарамъ незамѣтную струйку пороха и потомъ съ одного конца воспламеняли ее, порохъ вспыхивалъ на всемъ протяженіи улицы и хотя не могъ воспламенить

любокъ, не менѣ того, однако же, производилъ панику между гулявшими, которыя въ ужасѣ соскакивали съ тротуаровъ и, путаясь въ кринолинахъ, падали. Тутъ-то и поднимался злобный хохотъ, потому что «шуточка» достигала цѣли.

Но еще хуже приходилось евреямъ на Пасху.

Былъ также у грековъ обычай въ первые три дня Пасхи стрѣлять съ колоколенъ изъ маленькихъ пушекъ, ружей и пистолетовъ. Выстрѣлы эти по большей части направлялись въ толпу гуляющихъ евреевъ въ упоръ, неожиданно, сюрпризомъ—и «шутники» также потѣшались переполохомъ бѣднаго израиля.

Но и евреи также не оставались въ долгу и бывало на улицахъ происходили большія побойки, для разогнанія которыхъ посылались цѣлыя роты пѣхоты.

Но возвратимся къ молебствію въ синагогѣ.

Пѣніе кантора насъ удивило; но пѣніе синагогальнаго хора положительно очаровало: оно было нотное, древняго ритма, стройное, прекрасное и переносило насъ въ библейскія времена, когда хоры Левитовъ восхваляли Егову предъ Скиніею Завѣта.

Но вотъ выступилъ и проповѣдникъ съ рѣчью на нѣмецкомъ языкѣ. Дѣйствительно это былъ духовный витія. Сначала онъ обратился къ своимъ одновѣрцамъ, утверждалъ ихъ въ чувствахъ вѣрнопопданнической преданности и приводилъ изъ священнаго писанія много текстовъ, изъ которыхъ впоследствии нѣкоторые появились на часовняхъ, сооруженныхъ въ память 4-го апрѣля.

Наконецъ, онъ обратился къ христіанамъ, поблагодарилъ ихъ за то, что они пришли въ синагогу помолиться «общему небесному Отцу за спасеніе общаго земнаго Отца» и заключилъ свою рѣчь слѣдующимъ:

— «Есть повѣрье, что пророкъ, имя котораго упоминать здѣсь не мѣсто, проклялъ народъ израильскій, вслѣдствіе чего будто бы онъ и разсѣялся по лицу земному. Повѣрье это не имѣетъ никакого основанія. Сколько намъ извѣстно, пророкъ этотъ никогда не проклиналъ своихъ враговъ, напротивъ, самъ училъ: «благословляйте клянущихъ васъ и любите ненавидящихъ васъ»; сколько намъ извѣстно, онъ даже въ минуты смерти своей молился за враговъ своихъ. Но самъ Егова, самъ Адонаи разсѣялъ народъ израильскій по лицу земли, съ тѣмъ, чтобы онъ проповѣдывалъ ту вѣру, которую онъ изъ собственныхъ его устъ слышалъ!»

Много потомъ въ Одессѣ было толковъ по поводу этой рѣчи.

2.

Разъ утромъ прислалъ за мною генераль-губернаторъ. Я нашелъ у него градоначальника и полиціймейстера.

— Вотъ что, господа! началъ Коцебу, выйдя къ намъ. Къ банкиру Еффруси явился какой-то господинъ, съ англійскимъ паспортомъ, принесъ къ нему на 10,000 рублей закладныхъ листовъ варшавскаго кредитнаго земскаго общества и просилъ размѣнять ихъ на валюту по курсу. Еффруси, зная, что въ послѣдній мятежъ изъ этого общества было украдено закладныхъ листовъ больше чѣмъ на 2¹/₂ милліона рублей, принесъ ко мнѣ списокъ полученныхъ имъ номеровъ и просилъ узнать, чрезъ намѣстника Царства, не значатся ли они въ числѣ похищенныхъ? Я телеграфировалъ графу Бергу и получилъ отвѣтъ, что всѣ до одного номера принадлежать къ числу украденныхъ. Я пригласилъ къ себѣ англійскаго консула; тотъ сказалъ мнѣ, что незнакомецъ дѣйствительно англійскій подданный, но онъ не англичанинъ по происхожденію и даже не говоритъ по англійски. Такъ вотъ, господа, я поручаю вамъ—во первыхъ, всѣ билеты, доставленные къ Еффруси, конфисковать; во вторыхъ, сдѣлать у владѣльца, въ «англійской гостинницѣ» № 8, обыскъ, и если у него окажутся еще такіе же закладные листы, то конфисковать и ихъ, и въ третьихъ, учредить за этимъ господиномъ строгій полицейскій надзоръ. При этомъ прошу васъ обойтись съ англійскимъ подданнымъ какъ можно дипломатичнѣе и деликатнѣе.

На эту длинную рѣчь первый возразилъ градоначальникъ, камергеръ Шидловскій.

— Я не понимаю, ваше высокопревосходительство, какъ согласовать деликатность съ обыскомъ и полицейскимъ надзоромъ? И какой я могу учредить за нимъ надзоръ? Поставить у его дверей полицейскаго и жандарма?

— Боже сохрани! перебилъ поспѣшно и какъ бы въ испугѣ Коцебу. Онъ не долженъ даже знать, что за нимъ наблюдаютъ. Помните, что онъ англійскій подданный, а этой націи оскорблять безнаказанно нельзя... Надобно этой націи сдѣлать уступку.

«Въ ущербъ собственному нашему національному достоинству», подумали мы всѣ трое.

— Но если окажется, что онъ полякъ и воръ, то могу я арестовать его? спросилъ я у Коцебу.

— Это вы могли бы сдѣлать въ Варшавѣ, а не здѣсь! отвѣтилъ генераль-губернаторъ, съ видимымъ неудовольствіемъ.

Мы отправились въ «англійскую гостиницу». Я спросилъ кельнера:

— Кто служить прѣзжему въ № 8?

— Я-съ.

— Ты какіе знаешь языки?

— Свой-съ: италіанскій и греческій.

— Ты развѣ италіанецъ или грекъ?

— Никакъ нѣтъ: я ярославецъ.

— На какомъ же языкѣ ты говоришь съ иностранцемъ въ № 8?

— Я пробовалъ съ нимъ и *sprachen*, и *sprochen*, и *parler*, и *parlare*, да ничего не разумѣть; а по русски такъ говорить, что даже я его не понималъ. Ну, думаю, полякъ! Такъ и есть—заговорилъ съ нимъ по поляцки—и какъ разъ попалъ!

— Экой Меццофанти этотъ кельнеръ! сказалъ я градоначальнику.

— Здѣсь этихъ Меццофантиевъ много, отвѣчалъ онъ. Съ дѣтства служить они у разныхъ иностранцевъ, а никто не способенъ усвоить себѣ такъ скоро иностранный языкъ и даже акклиматизироваться на чужой почвѣ, какъ «широкая русская натура».

Мы вошли къ иностранцу, который при видѣ насъ крѣпко переконфузился. Я обратился къ нему по польски, объяснилъ все дѣло и потребовалъ выдачи намъ остальныхъ закладныхъ листовъ, независимо отъ тѣхъ, которые находятся у Еффриуси.

— Я, панове, ничего не знаю о происхожденіи этихъ листовъ, отвѣчалъ иностранецъ. Я служу только клеркомъ той лондонской фирмы, которая послала меня сюда, съ билетами на 10 тысячъ русскихъ рублей, для размѣна на англійскую валюту.

— Эта фирма польская? спросилъ я.

— Нѣтъ англійская.

— Какъ же вы служите клеркомъ въ фирмѣ, которой языка не знаете?

Полякъ не нашелся что отвѣтить и замолчалъ.

— Очевидно, вы служите въ обществѣ польскихъ эмигрантовъ. Прошу васъ передать намъ сейчасъ же остальные закладные листы.

— Но, панове, на гоноръ,—я всё отдалъ Еффриуси. Не угодно ли вамъ удостовѣриться, что у меня нѣтъ ни одного больше.

Онъ самъ раскрылъ и опорожнилъ свой сундукъ, сбросилъ на полъ матрацъ и постель и снялъ съ себя сюртукъ.

Мы видѣли, что у него дѣйствительно ничего больше нѣтъ—и ушли.

Относительно надзора за мнимымъ англичаниномъ мы условились съ градоначальникомъ поставить въ секретѣ предъ отелемъ одного полицейскаго и одного жандарма, съ тѣмъ, чтобы они наблюдали издали, что будетъ дѣлать иностранецъ, не мѣшая ему, однако, ни въ чемъ.

На другой день градоначальнику полицейскій, а мнѣ жандармъ, доложили, что около полуночи иностранецъ возвратился откуда-то на извозникѣ, въ свой номеръ, но не больше какъ чрезъ минуту вышелъ со всѣмъ багажемъ и на томъ же извозникѣ отправился въ карантинную гавань, гдѣ сѣлъ на англійскій пароходъ «Sophia», который снялся съ якоря и ушелъ въ море.

Мы доложили объ этомъ Коцебу, который обрадовался такому исходу дѣла; но все таки недовѣрчиво спросилъ насъ, не прибѣгали ли мы къ какому нибудь насилію и не оскорбили ли націю.

3.

Жила-была въ Одессѣ, на приморскомъ бульварѣ, пушка. Долго указывала она своимъ грохотомъ одесситамъ полдень. Но вдругъ нашелся какой-то искусникъ, который укралъ ее и продалъ на какое-то судно, которое и ушло съ нею въ море. Долго Одесса была безъ пушки и жители потеряли свою регулярность. Всѣ часы одесскаго меридіана, и карманные, и башенные, взбунтовались, шли, какъ сами хотѣли, утратили всякую дисциплину и не подчинялись ни чьему указу. Словомъ, долго была самая неудержимая часовая революція или, вѣрнѣе, часовой федерализмъ, взявшій въ основаніе себѣ правило, что часы часамъ не указъ. Наконецъ, Коцебу положилъ конецъ этой федераціи, выпросивъ въ военномъ министерствѣ для города старую пушку, которую и вывезли на приморскій бульваръ.

Но заговорила пушка еще не скоро, потому что городская дума, въ виду усилившихся городскихъ расходовъ, долго думала надъ пріисканіемъ источника для покрытія расходовъ на покупку пороха.

Бѣдная пушка, разинувъ пасть, долго, безмолвно и съ удивленіемъ глядѣла на Думу, ломавшую свои головы и голову Головы надъ такими пустяками. Но какъ всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, то насталъ конецъ и ожиданіямъ пушки: въ одинъ прекрасный полдень раздался на приморскомъ бульварѣ давно ожидаемый салютъ въ честь Думы, за то, что она такъ выдумала... т. е. нашла порохъ для единственной своей пушки!...

Съ тѣхъ поръ всѣ часовыя башни преклонили предъ пушкою свои непреклонныя головы и благоговѣнно смотрятъ на нее во всю ширину своихъ оконъ.

Кража одесской пушки припоминаетъ мнѣ слѣдующій случай:

Императоръ Николай Павловичъ всю свою жизнь крѣпко заботился о солдатѣ. Въ началѣ 1850-хъ годовъ онъ задался мыслью

уменьшить до minimum'a караульные наряды и сократить число часовых постовъ. Военный министр циркулярами сообщилъ комендантамъ таковую высочайшую волю и потребовалъ росписанія всѣхъ постовъ, съ обозначеніемъ, какіе изъ нихъ упразднены и какіе остались. Коменданты по возможности исполнили это повелѣніе. Но государь все таки остался этимъ недоволенъ и разослалъ генераль-и флигель-адъютантовъ во всѣ крѣпости, уполномочивъ ихъ упразднить какъ можно больше постовъ и оставить только самые необходимые.

Въ крѣпость Динабургъ былъ присланъ для этого флигель-адъютантъ полковникъ Чернышевъ. Проживъ у коменданта Симборскаго съ недѣлю, онъ самъ удостовѣрился, что часовые ограничены самою крайнею необходимостію и что ни одного поста упразднить больше нельзя. Не смотря, однако же, на то, Чернышевъ чуть не умолялъ коменданта уменьшить хоть два, хоть, наконецъ, даже одинъ постъ, по своему усмотрѣнію.

— Я удивляюсь вашей настойчивости, возразилъ комендантъ. Вы сами видите, что ни одного больше поста упразднить нельзя. Вамъ остается такъ и доложить государю.

— Вамъ легко это говорить, а мнѣ-то каково? Что, вы думаете, могу я услышать за это отъ государя? Онъ скажетъ: «комендантъ упрямъ, а ты дуракъ».

Чернышевъ, однако, такъ и уѣхалъ, не добившись упраздненія ни одного поста.

Осенью того же года императоръ Николай Павловичъ осматривалъ динабургскую крѣпость. Стоя на валу 4-го бастіона, онъ обратился къ Симборскому:

— Ты, Андрей Михайловичъ, не хотѣлъ моему Чернышеву уступить ни одного поста, а я сокращу ихъ у тебя цѣлые десятки.

— Слушаю, ваше императорское величество!

— «Зачѣмъ, напримѣръ, у тебя стоятъ часовые на валахъ при орудіяхъ? Что, ты боишься, что у тебя покрадутъ пушки? Сними ихъ съ лафетовъ и отдай лафеты въ арсеналь, а тѣла орудій положи на лагери. Пусть тогда кто-нибудь украдетъ такое орудіе: я ему подарю его».

Дѣйствительно, съ этимъ разумнымъ распоряженіемъ сократились десятки часовыхъ постовъ. Крѣпостныя орудія состояли изъ чугунныхъ, около 200 пудовъ вѣсомъ, полупудоваго калибра, единороговъ и пушекъ, которыя украсть, конечно, было немыслимо. Но одесскій воръ какъ-бы подслушалъ слова государя и пришелъ къ заключенію, что стало быть украсть орудіе можно, и вопросъ сводился только къ тому, какъ унести его?

Въ настоящее время одесское орудіе двумя артиллеристами подвозится на рукахъ изъ казармъ на приморскій бульваръ и послѣ полуденнаго выстрѣла увозится обратно.

IV.

Встрѣчи съ Царемъ-Освободителемъ.

I.

Неоднократно имѣлъ я счастье сопровождать по желѣзнымъ дорогамъ вѣреннаго мнѣ района блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти Царя-Освободителя. Это было въ послѣднее десятилѣтіе славнаго его царствованія.

Путешествіе императора Александра II, по орловско-витебской и динабургско-витебской дорогамъ—окрестные жители конихъ никогда въ жизни не видали Царя—было триумфальнымъ шествіемъ, величайшимъ праздникомъ для народа, который бросалъ свои полевныя работы, въ самую горячую страдную пору, и за десятки верстъ спѣшилъ къ желѣзной дорогѣ, съ надеждою увидѣть своего земнаго Бога или хотъ поклониться его поѣзду. У каждой сторожевой будки,—какъ сказалъ я въ предыдущемъ очеркѣ изъ моихъ воспоминаній,—безъ всякаго приказанія со стороны желѣзно-дорожнаго начальства, но по собственной инициативѣ дорожныхъ мастеровъ и барьерныхъ сторожей,—былъ обыкновенно выставленъ столикъ, накрытый бѣлою скатертью, и на немъ образъ и хлѣбъ-соль. Сторожъ, со всѣмъ семействомъ своимъ одѣтымъ по праздничному, при приближеніи поѣзда, осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ и клалъ земной поклонъ.

Въ то время служащіе на желѣзныхъ дорогахъ сопровождали царскую фамилію въ полной парадной формѣ. Народъ, мнѣвшій видѣть царя не иначе, какъ въ золотой одеждѣ, считалъ, по простодушію своему, царемъ того, на комъ видѣлъ болѣе блестящій мундиръ. Въ этихъ путешествіяхъ самымъ выдающимся мундиромъ былъ мой: серебряные штабъ-офицерскіе эполеты, лядунка, шарфъ и золотая каска съ султаномъ рѣзко бросались толпѣ въ глаза; а какъ въ качествѣ коменданта поѣзда я долженъ былъ сидѣть въ первомъ отъ паровоза вагонѣ и выходить на тормазъ при приближеніи къ каждой станціи, то цѣлыя толпы, съ крикомъ ура и махая шапками, бѣжали за первымъ вагономъ. Напрасно мы, всѣ служащіе, кричали и показывали знаками, что государь находится въ заднихъ ваго-

нахъ—толпа не слушала, не отставала отъ вагона и бѣжала за нимъ до самой станціи.

Подобныхъ недоразумѣній бывало чрезвычайно много, особенно въ первые годы существованія желѣзныхъ дорогъ. Но не только днемъ, даже ночью, когда впередъ послано бывало приказаніе не допускать никакихъ проявленій восторга, потому что государь изволить почивать, вдругъ раздавался взрывъ ура! при видѣ блестящаго мундира и золотой каски. А выходить на каждой станціи коменданту поѣзда было необходимо, такъ какъ по ночамъ не спали только онъ, управляющій и инспекторъ желѣзной дороги; вся остальная свита, до послѣдняго фельдъегеря, спала всю ночь напролетъ непробудно. На платформахъ обыкновенно ожидали разныя депутаціи съ хлѣбомъ-солью и просители съ прошеніями. Надобно было принимать, какъ прошенія, такъ и хлѣбъ-соль, вносить ихъ въ вагонъ и на утро сдавать генераль-или флигель-адъютанту, съ объясненіемъ, гдѣ и какая депутація ожидала государя.

Случилось—забылъ на какой станціи—между Брянскомъ и Карачевымъ, позднею ночью, едва я вышелъ на платформу, какой-то сельскій священникъ или діаконъ, преклонивъ предо мною колѣна, подалъ прошеніе. Я поспѣшилъ поднять его и сказалъ.

— Батюшка! Вамъ-то стыдно принимать меня за государя и преклонять колѣна.

— Величая угодниковъ Божіихъ—отвѣчалъ онъ—ублажаемъ самого Бога; почитая слугъ царевыхъ, чтимъ самого царя, ему же довлѣетъ поклоненіе сіе!

Я былъ столько счастливъ, что государь два раза лично изволилъ приказывать мнѣ надѣть сюртукъ.

На орловско-витебской дорогѣ я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая.

Въ 1874 или въ 1875 году, боюсь ошибиться, государь изволилъ возвращаться съ какихъ-то заграничныхъ маневровъ—кажется изъ Пруссіи. Его величество сопровождали: государь наслѣдникъ цесаревичъ, другіе великіе князья, двое или трое министровъ, графъ Бергъ и др. Свита была огромная, а потому и поѣздъ былъ огромный. На станціи Рудня, между Смоленскомъ и Витебскомъ, назначена была десяти-минутная остановка. Пассажирами императорскаго поѣзда вдругъ покрылась вся платформа; замелькали бѣлыя, красныя, голубыя и черныя фуражки. Государь, выйдя изъ вагона, не пошелъ къ вокзалу, но свиснувъ на своего «Милорда», вошелъ въ станціонный садикъ, усѣянный массою цвѣтовъ въ прихотливыхъ клумбахъ, съ бьющимъ посрединѣ фонтаномъ. Я слѣдовалъ за государемъ въ нѣ-

скольких шагахъ. Былъ прелестный, теплый осенній вечеръ. Вдругъ одна молодая и довольно красивая дама, сидѣвшая въ садикѣ и не спускавшая глазъ съ платформы, подошла къ государю, взяла его за руку и, не глядя на него, сказала.

— Ваше превосходительство! покажите мнѣ, который изъ этихъ генераловъ государь?

Казалось, его величество нисколько не былъ удивленъ этою безцеремонностію. Государь, съ всегдашнею своею добродушною улыбкою, сперва взглянулъ въ сторону платформы, а потомъ спросилъ даму:

— Вы развѣ никогда не видали государя?

— Нѣтъ, ваше п—во! отвѣчала дама, по прежнему не глядя на него и не спуская глазъ съ гулявшихъ по платформѣ.

— Ну, такъ смотрите! произнесъ государь, отступивъ шагъ назадъ.

Дама вскинула глаза вверхъ, онѣмѣла отъ удивленія, упала на колѣна и прижала къ губамъ государеву руку. Она не въ состояніи была произнести ни одного слова, даже извиниться и слезы умиленія заструились по ея щекамъ. Государь поднялъ даму, которая оставалась въ остолебѣнии во все время, пока государь гулялъ въ садикѣ; при выходѣ же изъ него дама вторично упала на колѣни и также не могла произнести ни слова. Это была жена начальника станціи. Конечно, впечатлѣніе это осталось въ ней на всю жизнь.

Въ другой разъ въ Смоленской губерніи какая-то стройная амазонка, на бѣломъ арабскомъ скакунѣ, состязалась съ поѣздомъ и скакала нѣсколько секундъ наравнѣ съ царскимъ вагономъ, покуда встрѣчная рѣчка не пресѣкла ей пути. Ловкая наѣздница доставила тогда всѣмъ большое удовольствіе.

О добродушнѣ императора Александра Николаевича кружило всегда множество разсказовъ. Одинъ изъ нихъ особенно врѣзался мнѣ въ память. Бывшій начальникъ штаба резервнаго кавалерійскаго корпуса, расположеннаго въ Вознесенскѣ, свиты его величества генералъ-маіоръ Михаилъ Леонтьевичъ Дубельтъ разсказывалъ мнѣ слѣдующее:

Въ Вознесенскѣ государь производилъ большіе кавалерійскіе маневры. Въ которомъ году—не знаю, да это къ дѣлу и не относится. Во время маневровъ одинъ командиръ конной батареи сдѣлалъ какую-то капитальную несообразность—стрѣлялъ-ли онъ по своимъ, пропустилъ-ли мимо себя непріятеля безнаказанно или-же дозволилъ себя отрѣзать, не снявшись своевременно съ позиціи—не помню; довольно, что ошибка была возмутительно груба и сильно разгнѣвала государя.

— Дубельтъ! сказалъ его величество, подозвавъ къ себѣ начальника штаба. Поѣзжай къ батарейному командиру, скажи, что онъ б—нѣ.

Тотъ далъ шпоры коню.

— Дубельтъ! Дубельтъ! назадъ.

Дубельтъ воротился.

— Слышишь! Да непременно такъ и скажи: «Государь сказалъ, что вы б — нъ».

Начальникъ штаба усакалъ, разнесъ батареинаго командира и сказалъ, что государь извольтъ крѣпко гнѣваться.

Возвратясь, онъ показался на глаза государю въ знакъ того, что повелѣніе исполнено. Государь ничего не сказалъ.

Дальше маневры пошли своимъ чередомъ. Его величество былъ чрезвычайно доволенъ; по окончаніи же маневровъ, собралъ всѣхъ начальниковъ частей, въ числѣ которыхъ находился и опальный батареинный командиръ—и сердечно благодарилъ ихъ за отличное состояніе войскъ. Потомъ приказалъ вызвать пѣсенниковъ впередъ и отпустилъ полки на свои мѣста.

При возвращеніи съ маневровъ, государь былъ въ отличномъ расположеніи духа; но какъ будто какая-то дума иногда озабочивала прекрасное чело его. Онъ нѣсколько разъ оборачивался назадъ и, наконецъ, кликнулъ:

— Дубельтъ!

Начальникъ штаба подскакалъ.

— Ближе!.. Еще ближе!

Государь перегнулся къ нему и полу-шепотомъ спросилъ:

— Ты сказалъ батареинному командиру, что я тебѣ приказывалъ?

— Виновать, ваше величество, не сказалъ!

— Благодарю!

И чело царя прояснилось.

2.

Передъ послѣднею турецкою войною императоръ Александръ Николаевичъ нѣсколько лѣтъ къ ряду ѣздилъ въ Эмсъ, для пользованія отъ эмфиземы, гдѣ изволилъ проводить весь май стараго стиля, подъ именемъ «Графа Вородинскаго». Май 1875 года былъ для меня счастливымъ мѣсяцемъ: я также лѣчился въ Эмсѣ, ежедневно встрѣчалъ его величество на водахъ и въ горахъ и нерѣдко имѣлъ счастье быть удостоеннымъ разговора. Государь прибылъ въ Эмсъ 1-го мая.

Я ѣхалъ однимъ поѣздомъ впереди и былъ свидѣтелемъ, какъ на одной изъ перекрестныхъ станцій, по ту сторону Берлина, за Касселемъ, весь прусскій пѣхотный полкъ имени императора Александра

не хотѣлъ ѣхать дальше и остался на станціи, чтобы видѣть своего августѣйшаго шефа. Ничего съ солдатами желѣзно-дорожники не могли подѣлать, тѣмъ болѣе, что и офицеры были за одно съ ними. Пришлось воинскій поѣздъ остановить.

Съ прибытіемъ царскаго поѣзда, государь императоръ вышелъ, въ статскомъ платьѣ, къ своему полку и поздоровался съ нимъ. Въ мигъ разстроились ряды: солдаты съ крикомъ *Noch!* и *Hugrah!* окружили обожаемаго шефа и многіе бросились цѣловать ему руки. Офицеры смѣшались съ нижними чинами и крики восторга не прекращались до тѣхъ поръ, покуда царскій поѣздъ не вышелъ со станціи.

Государь прибылъ въ Эмсъ въ субботу. На другой день, въ воскресенье, былъ въ русской церкви, въ которую собрались всѣ русскіе, прибывшіе въ Эмсъ.

Во время богослуженія, государь раза два взглянулъ на меня, а при выходѣ подозвалъ меня къ себѣ и спросилъ:

— Я тебя знаю; но кто ты?

Александръ Львовичъ Потаповъ поспѣшилъ представить меня его величеству.

Императоръ Александръ ходилъ всегда за границу въ черномъ сюртукѣ, свѣтло сѣромъ исподнемъ платьѣ и въ сѣрой, закругленной сверху, шляпѣ или въ бѣломъ цилиндрѣ. Мы, русскіе, въ подражаніе ему, одѣвались точно такъ же. Впрочемъ, костюмъ этотъ былъ обязательенъ для русскихъ при заграничныхъ представленіяхъ государю и во время обыкновенныхъ обѣдовъ при дворѣ.

Нашъ государь пользовался огромною популярностію въ Эмсѣ. Даже уличные мальчишки подбѣгали къ нему съ обычнымъ привѣтствіемъ:

— Мейнъ кейзеръ!

Государь всегда бывало погладить мальчугана по головѣ.

Каждый день у источниковъ встрѣчала его одна и та-же дѣвушка цвѣточница и подносила букетикъ свѣжихъ полевыхъ цвѣтовъ, за который и получала по горсти мелкаго серебра изъ собственныхъ рукъ государя.

«Графъ Бородинскій» жилъ со свитою въ отелѣ «*Vier Thüme*». Садъ, окружающій это зданіе, довольно обширенъ и государь нерѣдко гулялъ въ немъ въ числѣ прочей публики. Въ саду постоянно находились прусскіе жандармы и полицейскіе чины. Они знали всѣхъ насъ военныхъ и отдавали намъ воинскую честь. Русская придворная прислуга и особенно лейбъ-казаки, разумѣется, также всѣхъ насъ знали и, не смотря на то, что были одѣты въ статскомъ платьи, отдавали намъ честь, почтительно снимая шляпы.

Отъ этого происходили иногда весьма забавныя недоразумѣнія. Многие изъ прїѣзжихъ въ Эмсъ иностранцевъ, никогда не выдавшие русскаго царя, нарочно заходили въ садъ «*Vier-Thürme*», чтобы поклониться ему. Но случалось нерѣдко, что при видѣ одного изъ лицъ свиты, которому полиція и жандармы отдавали честь и предъ которыми статскіе, казаки и придворные служители, почтительно снимали шляпы—принимали его за самого государя и при встрѣчѣ также снимали шляпы и отвѣшивали пренизкій поклонъ. Много разъ приходилось говорить такимъ господамъ, что они ошибаются. Даже дамы дѣлали глубокій реверансъ. Мнѣ самому раза два пришлось заявить отвѣщивавшимъ мнѣ глубокіе поклоны и дѣлавшимъ реверансы:

— *Verzethen sie, meine Herren und meine Damen, ich bin nicht der Keiser!*

Однажды проѣзжалъ чрезъ Эмсъ прусскій уланскій имени императора Александра полкъ. Офицеры и солдаты, по примѣру пѣхотнаго полка, также выразили желаніе поклониться своему шефу. Было около 6 часовъ пополудни, когда государь отдыхалъ послѣ обѣда. Полку объявили, что государя нельзя беспокоить.

— Такъ мы подождемъ, пока онъ встанетъ! былъ категорическій отвѣтъ.

Желѣзнодорожная администрація всполошилась: пришлось дѣлать много сложныхъ и крайне затруднительныхъ распоряженій. Графъ Адлербергъ, узнавъ объ этомъ, разбудилъ государя и его величество пошелъ пѣшкомъ за Лану, на станцію, поздороваться съ полкомъ. Восторгу уланъ не было предѣловъ.

Но вотъ прибылъ въ Эмсъ маститый императоръ Вильгельмъ. Встрѣча ему была устроена самая восторженная: цвѣтами, вензелями, флагами изукрасился весь городъ; вечеромъ запылала иллюминація въ городѣ и на горахъ; на цитахъ, по желанію Вильгельма, появились инициалы обоихъ императоровъ. По Ланѣ плавала гигантская, великолѣпно иллюминированная, императорско-германская корона, внутри которой помѣщался хоръ музыкантовъ пѣхотнаго императора Александра полка и во весь вечеръ исполнялъ, съ извѣстными промежутками, исключительно только русскій народный гимнъ «Боже царя храни».

Большой сѣздъ былъ тогда въ Эмсѣ. Прїѣхали: королева Виртембергская Ольга Николаевна, принцъ Гессенскій и другіе высочайшія особы—и странное дѣло, что не смотря на такой сѣздъ, цѣны ни на что въ Эмсѣ не увеличились. Какія цѣны платили мы въ гостинницахъ прежде, такія же остались и впослѣдствіи. У насъ

въ Россіи при подобномъ случаѣ цѣны непремѣнно увеличились бы вчетверо, да такъ и остались бы на будущее время впредь до новаго случая, который опять увеличилъ бы ихъ.

Однажды въ церкви обратилъ на себя всеобщее вниманіе какой-то весьма приличной наружности господинъ, не молодыхъ лѣтъ. Онъ стоялъ у стѣны, съ лѣвой стороны церкви, противъ государя, гордо, неподвижно, и посматривалъ на него. Государь также нѣсколько разъ взглянулъ на него и морщилъ брови, какъ-бы что-то припоминая. Въ свитѣ начался шопотъ: кто это? На предложенный мнѣ вопросъ однимъ изъ приближенныхъ генералъ-адъютантовъ я также отвѣтилъ незнаніемъ. Вдругъ, во время «Святая Святыхъ», таинственный незнакомецъ пошелъ въ алтарь, но тотчасъ-же вышелъ оттуда съ серебрянымъ блюдомъ и началъ собирать деньги. Я зашелъ въ алтарь и спросилъ священника: кто этотъ господинъ?

— Здѣшній церковный староста, графъ Комаровскій, сенаторъ, изъ Москвы,—отвѣчалъ священникъ.

Я передалъ отвѣтъ свитѣ — и всѣ много смѣялись тому, что не узнали лицо весьма хорошо извѣстное въ аристократическихъ сферахъ обѣихъ столицъ.

Въ числѣ русскихъ, тогда бывшихъ въ Эмсѣ, очень рѣзко выдѣлялась графиня Р—ръ, высокая, черная и уже крѣпко не молодая женщина. Она возила съ собою какого-то петиметра француза. Это былъ истощенный и блѣдный человѣкъ лѣтъ подъ 40 и нахаль въ высшей степени. Онъ сдѣлалъ визиты многимъ изъ свиты и при представленіяхъ къ фамиліи своей прибавлялъ: «Ami de la comtesse R.».

Графиня прибыла въ Эмсъ совсѣмъ не для леченія, а съ спеціальною цѣлью просить разрѣшенія государя на вступленіе въ законный бракъ съ своимъ петиметромъ, съ тѣмъ, чтобы ей, по уваженію къ заслугамъ покойнаго мужа, оставлена была вся получаемая ею огромная пенсія, аренда и проч. Государь однако приказалъ Адлербергу объявить ей, что она можетъ выходить замужъ за кого хочетъ, но ломать русскіе законы для графини Р—ръ его величество не намѣренъ.

Какъ-то въ обществѣ особъ свиты я выразилъ сомнѣніе на счетъ цѣлебности эмскихъ водъ и особенно на счетъ природной теплоты ихъ. Мнѣ всегда казалось подозрительнымъ такъ называемое «вывариваніе эмской соли», которое производилось за зданіемъ водъ, подъ горою, въ мѣстѣ, удаленномъ отъ лишнихъ глазъ; я подозрѣвалъ, что отъ этихъ котловъ горячая вода проводилась трубами къ кранамъ въ залы для питья и къ ваннамъ.

— Боже васъ сохрани усумниться въ цѣлебности водъ предъ го-

сударемъ — возразилъ мнѣ одинъ изъ генераловъ. — Его величество безусловно вѣрить въ эти воды.

И дѣйствительно. Разъ государь, на своемъ сѣромъ арабикѣ, встрѣтилъ меня въ горахъ и осадилъ лошадь.

— Ну, какъ ты? — милостиво спросилъ меня, въ отвѣтъ на мой глубокій поклонъ.

— Покорнѣйше благодарю, в. и. в.! Эмскія воды мнѣ очень помогли.

— И тебѣ скажу!.. Помнишь, какой я сюда пріѣхалъ: совсѣмъ безъ голоса, а теперь вотъ вернулъ его.

Государь, дѣйствительно, имѣлъ вначалѣ осипшій голосъ и въ Эмсѣ поправилъ его.

Въ одинъ дождливый день, утромъ, государь, послѣ втораго стакана воды, прохаживался въ большой чугунной галлерей. Мы, русскіе, группою, человекъ 10—12, шли сзади шагахъ въ 30. Вдругъ, смотримъ, на встрѣчу государю идетъ какой-то красивый молодой человекъ, прилично одѣтый, съ папирскою во рту. Не доходя нѣскольکو шаговъ, онъ швырнулъ въ сторону папиросу, сорвалъ съ себя шляпу и отвѣсилъ пренизкій поклонъ. Императоръ приподнял шляпу, пристально посмотрѣлъ на молодаго человека и прошелъ мимо, но пройдя нѣскольکو шаговъ, оглянулся въ нашу сторону и спросилъ, нѣтъ-ли среди насъ Александра Францовича? Управляющій III отдѣленіемъ соб. е. и. в. канцеляріи Александръ Францовичъ Шульцъ дѣйствительно былъ съ нами. Онъ подбѣжалъ къ государю.

— Александръ Францовичъ, не знаешь-ли ты этого молодаго человека, что мнѣ сейчасъ поклонился?

— Знаю, ваше величество: варшавскій студентъ Новаковскій, сосланный въ Сибирь въ 1863 году и бѣжавшій оттуда за границу. Это тотъ самый, о которомъ на сихъ дняхъ я имѣлъ счастье докладывать вашему величеству: онъ подалъ здѣсь третье всеподданиѣйшее прошеніе о помилованіи и о всемилостивѣйшемъ дозволеніи возвратиться на родину; ваше величество изволили отказать въ просьбѣ.

Во время обѣда государь вспомнилъ о Новаковскомъ и прибавилъ:

— А какъ онъ почтительно мнѣ поклонился! Онъ чувствуетъ, что я его государь!

На другой день Шульцъ встрѣтилъ насъ въ той-же галлерей.

— Слышали, господа, что вчера за столомъ государь изволилъ говорить о Новаковскомъ? Увидите, что его величество помируетъ его.

На слѣдующее утро Шульцъ опять подошелъ къ намъ.

— А что? не говорилъ я вамъ вчера, что государь помируетъ Новаковского?

— Сердце царево въ руцѣ Божіей!—воскликнули мы.

— Да, помилованъ—и притомъ безусловно! Дозволилъ ему возвратиться въ Царство Польское, съ тѣмъ только, чтобы тамъ онъ былъ подчиненъ полицейскому гласному надзору на два года.

30 мая 1875 г. государь уѣхалъ въ Потсдамъ. На вокзалѣ была буквально давка отъ множества русскихъ, собравшихся проводить своего обожаемаго монарха. Дамы поднесли сотни свѣжихъ букетовъ, наполнившихъ собою весь салонный вагонъ. Русское «ура!» и нѣмецкое «Noch!» долго колебали воздухъ.

Во время пребыванія въ Эмсѣ государя императора русская рѣчь слышалась на каждомъ шагѣ; говорили громко, какъ-бы кичась ею. Съ отъѣздомъ царя рѣчь эта была какъ-бы ножомъ отрѣзана. 31 мая въ саду не было уже слышно ни одного русскаго слова и встрѣчавшіеся между собою русскіе, по прежнему, начали какъ-бы стыдиться своего языка и замѣнили его французскимъ даже въ церкви.

Теобальдъ.